

Вяч. Вс. ИВАНОВ

Эволюция ноосферы и художественное творчество

1

Описывая свой круг чтений (очень разносторонних) в раннем детстве, среди первых книг Вернадский называет исторические — «историю Татищева»* (русской историей он интересовался всю жизнь, в гимназии читал Карамзина и Костомарова, словно готовясь к созданной позднее собственной работе о Петре** и истории науки в России в XVIII в.). В то же время его «поражали образы “Ветхого завета”», он вспоминал много десятилетий спустя «то наслаждение, с каким... читал историю Саула, Самуила, Авессалома и Давида; мне очень часто представлялся Авель и Каин и т. д. Эти образы вызывали... бесконечный ряд вопросов» (С. 16). По его словам, перед поступлением в классическую гимназию (1873 г., когда ему было 10 лет), он «зачитывался историей, главным образом греческой» (С. 18).

Однако сама гимназия (где к кругу его исторических чтений добавились сочинения по истории церкви) дала ему мало: «...главным несчастьем являлся мертвый дух преподавания», который исказил «прекрасный великий мир Эллады, ее науку, литературу, искусство», разрушил «те стороны истории Рима, которые до сих пор жили в нашей жизни» (С. 24). По его словам, латинский и греческий он усвоил недостаточно (хотя по-

* Страницы автобиографии В. И. Вернадского. М., 1981. С. 15 (далее ссылки на страницы этой книги даются в тексте в скобках).

** *Вернадский В. И.* Значение личности в истории науки (отрывки из книги); Введение научной работы в России Петром Великим как дела государственной пользы // Вестн. АН СССР. 1983. № 1. С. 125–129.

том и читал в подлинниках античных авторов) не только по вине гимназии, но и потому также, что его меньше занимали языки сами по себе, чем история и история литературы.

Вспоминая о начале своих университетских занятий (в Петербургский университет Вернадский поступил в 1881 г.), он писал: «Больше всего прельщали меня, с одной стороны, вопросы исторической жизни человечества и, с другой — философская сторона математических наук. И я не пошел ни по той, ни по другой отрасли. Не пошел по исторической, потому что хотел раньше получить подготовку естественно-историческую и потом перейти на историю» (С. 28).

Как мы увидим, синтеза естественно-исторического подхода с культурно-историческим Вернадский позднее достигнет сначала в специальных работах по истории металлов и других элементов, потом — в синтетических трудах по истории науки и техники. Начало синтезу было положено уже занятиями на первом курсе, когда Вернадский, учась на естественном отделении физико-математического факультета, с первых недель посещал лекции на других факультетах — «исторические, филологические, юридические» (С. 31).

В 1882 г. создано студенческое научно-литературное общество, в работе которого Вернадский, избранный в его Научный отдел (руководящий научный Совет), с самого начала активно участвует. Оно объединяло «множество всем известных имен ученых, историков, натуралистов, юристов, медиков» (С. 32).

Характерно, что в написанных Вернадским в мае 1882 г. «Заметках по истории Украины» содержится уже план большого исторического сочинения, где он хотел бы «заняться рассмотрением вопроса о влиянии войны на все человеческие племена. Для этого у меня не будет времени. Необходимое для других моих целей подробное знание истории моего родного племени Украинского дозволит, надеюсь, мне изложить хоть в немногих резких чертах влияние войны на это племя и eo ipso может хоть несколько помочь прекращению этого регрессивного явления» (С. 33).

Напомним, что 40 лет спустя это неослабевавшее стремление сохранить человечество от последствий войн приведет его к опубликованному в 1922 г. пророческому предостережению по поводу «самоуничтожения», которым человеку грозит овладение атомной энергией*. Но начинать он хотел с истории войн; ис-

* Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 1965. С. 362 (далее сокращенно: Биосфера) (впервые на-

следуя позднее ранние этапы развития человечества, он снова и снова возвращается к тем тормозящим факторам, которыми «были взаимные истребления людей»*; особенно рельефно «элементы разрушения и разложения», возникающие при использовании убийства и насилия в качестве «средств достижения великой идеи», были им рассмотрены на примере крестовых походов**. <...>

В мае 1884 г. к числу планов Вернадского относится ознакомление с «литературой чисто философской, экономической и исторической» (С. 37), замысел тогда же отчасти начатого экономического и, как теперь бы мы сказали, конкретно-социологического исследования крестьянства, сбор литературы для работы «Брожение молодежи и интеллигенции 1860—1880 годов». Любые занятия историей, сколь угодно отдаленной, для Вернадского были частью подготовки к решению самых жгучих вопросов сегодняшнего дня и будущего. Поэтому трудно говорить о Вернадском-историке, не касаясь и его кипучей общественной деятельности. Интенсивно занимаясь планами библиотек для народа, Вернадский называет среди важнейших книг «рассказы из истории страны» (С. 45). Под председательством Вернадского в 1886 г. создается нелегальный студенческий Совет объединенных землячеств, где его заместителем, встречавшимся с ним почти ежедневно, становится А. И. Ульянов.

Перед закрытием в 1887 г. легального Студенческого научно-литературного общества, секретарем которого был казненный в том же году А. И. Ульянов, уже кончивший университет, Вернадский с увлечением участвует в заседаниях научного Совета общества, которые «были очень интересными» (С. 54).

В 1888 г. до того много лет вынашивавший план эмиграции Вернадский на два года уезжает в научную командировку с се-

печатано в кн.: *Вернадский В. И.* Очерки и речи. Пг., 1922. Вып. 2); *Иванов В. В.* Категория времени в искусстве и культуре XX века // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л., 1974. С. 51–52 (к числу имевших естественно-научное образование деятелей нашей культуры одновременно с Вернадским, сделавшим это предостережение, кроме Андрея Белого, надо отнести также В. Хлебникова, чье замечание о взрыве атомной бомбы относится к августу 1920 г.).

* *Вернадский В. И.* Научная мысль как планетное явление (далее сокращенно: Мысль). С. 30.

** *Вернадский В. И.* Избранные труды по истории науки. М., 1981 (далее сокращенно: Наука). С. 117.

мьей за границу. Здесь он впервые встречается с манившей его с детства древностью Италии, видит «Помпею, музеи; особенно поразила древняя скульптура» (С. 60).

Посетив в Берлине в декабре 1889 г. выставку вещей, найденных в Пергаме Хуманом в 1878—1886 гг., Вернадский писал, говоря о «тоске», вызываемой при осмотре музеев мыслью о личном уничтожении, об отсутствии личного бессмертия: «Пергамские остатки произвели на меня чарующее впечатление. Мне кажется, я чувствую на себе влияние этих великих греков, этих неведомых мыслителей-художников больше 2 тысяч лет тому назад, точно что-то меня живо, тесно связывает с чем-то бессмертным, оставшимся от того времени (или это одно из проявлений «Тоски» — шепчет мне скепсис?). У меня возродилось то же чувство, какое давно в детстве произвело на меня воззвание Лайеля раскапывать Геркуланум, так как там могут сохраниться библиотеки (и вот уже 30 лет почти ничего для этого не делается!), ведь сколько еще может быть спасено от прежней мысли и жизни, такой чудной и высокой, как лучшее из теперешнего» (С. 73). Характерно, что по поводу важной для всех его позднейших работ по истории мысли о восстановлении самых ранних пластов культуры Вернадский, которому столько предстояло сделать в области геохимической эволюции, ссылается на великого Лайеля, одного из создателей эволюционной геологии, поддержавшего Дарвина.

Продолжая эту мысль, Вернадский соединил впечатления из слышанного им о только что открытых древностях Олимпии, фаюмских портретах, беотийских терракотах: «Ведь вот недавно открыты удивительные, по рассказам, остатки в Олимпии, эти пергамские горельефы, недавние греческие портреты в Египте, статуэтки из Танагры и т. п. А у нас в Закавказье сколько еще может быть найдено...» Последнее предсказание, сбывшееся много десятилетий спустя, когда ученым открылись эллинистические памятники Грузии и Армении, более ранние урартская, куро-аракская и другие археологические культуры, — одно из первых в ряду тех интуитивных опережений археологических открытий, которых так много в последующих работах Вернадского. Среди его товарищей студенческой поры, позднее внесших вклад в археологию Закавказья, можно назвать Н. Я. Марра, который с 1904 г. копал Ани. В какой мере личные контакты двух ученых могли содействовать началу раскопок (или формулировке цитированного предсказания), пока что (до изучения соответствующих архивных материалов) можно только гадать¹.

Осмысляя увиденные им древности Пергама, Вернадский пробует дать им собственное объяснение, опирающееся на сложившееся у него к тому времени понимание античности: «...одна уже группа, собранная в главной пока ротонде, удивительна. Эта группа, представляющая борьбу титанов, детей Земли с богами... Я не думаю, чтобы авторы хотели представить гигантов проявлением животности, мне видится в них сочувствие к побежденным, мне мнится тайное желание показать, что не все с титанами кончено. Это показывает и могучая фигура Матери-Земли — Геи, и чудные типы юношей-гигантов, например Отос. Виден здесь миф Прометея и то же самое гордое чувство свободной человеческой души, выразившееся хотя бы в иных мечтах и стремлениях греческих философов... А это было как раз то время. Мне противен сделался немецкий филистерский текст объяснения группы, где проводится “ортодоксальное” мнение (борьба духа — богов с животностью — титанами). Здесь видно другое, здесь видна свободная, гордая мысль, мысль, гонящая Тоску, рвущаяся вперед, далеко — так далеко, как прорвались и в науке греческие философские учения! Не то ли это самое, что заставило их на основании немногих данных построить такие синтезы, которые не раз удивляли нас своей справедливостью? Титаны не уничтожены богами, так же как не могла быть ими тронута их мать. Первоисточник остался, и победа богов должна была быть поверхностной. Как поверхностной была победа богов над Прометеем. Среди созданий греческого искусства это одно из самых замечательных проявлений этого направления» (С. 73—74). В этом первом пластическом наброске своего понимания с детства боготворимой им античности Вернадский по поводу мифа о Прометее в своем толковании ссылается на «известное, часто упоминаемое место Лукреция Кара»*.

Лукреций оставался одним из любимых авторов на всем протяжении жизни Вернадского. В одной из последних своих статей по истории науки Вернадский упоминает поэму Лукреция среди классических произведений, переходящих «из поколения в поколение» и принадлежащих к числу «произведений натуралистов, избравших поэтическую форму для изложения своего понимания природы и ее явлений. Блестящим примером такой формы художественно-научного творчества является Лукреций [99 (95)—55 (51) до н. э.], больше философ, чем ученый, живущий в эпоху, когда наука только что отделялась от философии (сейчас, мы видим, временно). Эта форма художе-

* *Лукреций Кар.* О природе вещей. М., 1958. Т. II. С. 254—256.

ственного, научного творчества всегда связана с философской интуицией» *. В те же годы, что и только что цитированная характеристика Лукреция, Вернадский упоминает встречающийся у Лукреция ** (и потом повторяемый в «философском фольклоре», вплоть до «Теодицеи» Лейбница) образ двух листьев, которые никогда не бывают вполне тождественными, в качестве яркого выражения характерной черты биосферы***.

Деятельный характер Вернадского сказался в немедленном практическом проявлении возникших у него мыслей о необходимости археологического изучения отечества. Вернувшись в 1890 г. в Россию, Вернадский в соответствии с общим планом всестороннего описания губерний, задуманного Докучаевым, занялся Кременчугским уездом. Особенность проведенной им геологической работы, вскоре опубликованной****, определялась сложившимися к тому времени у Вернадского археологическими интересами. Как вспоминал он сам спустя полвека, в 1943 г., «так как я работал два года и второй год на свои средства, то я, воспользовавшись этим, нанес не только те точки, откуда взяты образцы, но также все курганы, бабы и археологические остатки. В. В. Докучаев мне говорил, что если бы он знал об этом раньше, то сделал бы это обязательным для своих работающих» (С. 75).

Вернадского и позднее волнует проблема обследования археологических памятников Юга России и восстановления скрытых в них исторических реалий. В 1893 г. он записывает в дневнике: «Читаю теперь много по старой жизни Юга России — древности России Толстого и Кондакова...***** Как-то больно щемит сердце, когда вдумываешься в эти остатки старого быта, старой жизни, которая открывается нам в могилах. Куда все это исчезло? Совершенно ли пропала вся эта жизнь, от которой нам остались одни темные памятники» (С. 131). В том же году он пишет жене: «Меня влечет в Крым в сильной степени моя любовь к греческой древности. К той эпохе, когда человеческая —

* *Вернадский В. И.* Наука. С. 248.

** *Лукреций Кар.* Указ. соч. Кн. 2. С. 54. В нашей науке XX в. этот образ не раз использовался биологом Н. А. Бернштейном, а вслед за ним — математиком И. М. Гельфандом.

*** *Вернадский В. И.* Мысль. С. 15.

**** *Вернадский В. И.* Кременчугский уезд. СПб., 1892².

***** *Кондаков Н. П., Толстой И. И.* Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1889—1899. Вып. 1—6. В цитируемом издании дневников Вернадского эта библиографическая справка отсутствует.

и физическая, и духовная — личность достигала такой красоты» (С. 132).

Начавшиеся лекции Вернадского по минералогии в Московском университете не мешают продолжению его занятий античностью: в сентябре–октябре 1890 г. он читает «с глубоким интересом Гиббона — “Историю падения Римской империи”» (С. 84, 87, 88), незадолго до того выпешдшую в русском переводе. Чтения, относящиеся к древности, вновь и вновь приводят его (в то время, относительно спокойное, когда до начала первой мировой войны оставалось четверть века) к сомнениям в надежности будущего европейской цивилизации. 7 октября 1890 г. он записывает в дневнике: «Читая Фукидида, поражаешься нередко встречаемым у древних авторов мнениям о том, что скажут их потомки. То же самое и в древних памятниках. Служило ли это утешением? Верно то, что меня так или иначе заставляет задумываться при чтении Фукидида, заставляло задумываться и других, Бог знает сколько поколений. Когда он говорит вначале о том, какое бы впечатление произвели разрушенные Афины (по сравнению с Микенами), теперь мы это видим. Сделалось избитым указание на возможность того же для теперешних центров мысли, хотя никто как-то об этом и не думает» (С. 90).

Вновь и вновь Вернадский от древней истории переходит к современной, что отвечало его общественному темпераменту. 7 ноября 1890 г. он записывает в дневнике: «В душе тяжело от мглы, от темного царства, от разгрома. Но энергия этим будится. И желание работать, желание бороться за права человека растет. Начал собирать материал для исторического очерка образования при Александре III» (С. 95). В марте 1892 г. Вернадский пишет жене: «Читал я Шевченко и очень хочу, чтобы ты прочла в маленьком издании заграничном... его небольшое стихотворение: “Минают дни, минают ночи...” — великолепно!» (С. 104).

Напомним строки этого стихотворения, важные для понимания эмоционального фона занятий Вернадского историей:

Страшно впасти у кайдани
Умирать в неволі,
А ще гірше — спати, спати
И спати на волі*.

В 1892 г. умер в возрасте 29 лет друг Вернадского И. А. Клейбер³ — автор пионерской диссертации, посвященной приложе-

* Шевченко Т. Г. Кобзар. Київ, 1950. С. 217.

нию теории вероятностей к статистике общественной жизни *. Собираясь писать статью памяти друга, Вернадский хотел подчеркнуть в ней синтезирующую роль университета в отличие от остальных «специальных заведений» и изложить биографию астронома (исследователя метеоритов), математика и социолога Клейбера «в связи с тем течением, в котором готовилась значительная часть нашего поколения, только теперь вступившего в жизнь; сперва строгая научная работа. Студенческое общество как род self-government ** и связь молодых сил, работающих в разных отделах, вследствие этого расширение кругозора и интереса вне формальных делений наук. Для Клейбера это вызвало интерес к приложению математического метода в других областях: в связи с общественными явлениями, психологией etc.» (С. 103–104). Постоянно занимавшая Вернадского мысль синтеза знаний объединяла его с покойным другом. Особенно настаивал на этом подходе Вернадский в связи с образованием: «Мне кажется, должно быть аксиомой: воспитание человека может быть основано только на связи с изучением жизни, идей, истории человека же. Я не отрицаю значения естественных наук и не говорю, что им не надо учиться, сам занимаюсь тем, что учу их, но думаю, что на них не может быть основано воспитание» (С. 113).

Соединение занятий историей (в данном случае русской) с общественной практикой едва ли не всего лучше видно на примере общения Вернадского с Якушкиным — внуком декабриста, собравшим «значительный материал по декабристам» (С. 127), который заинтересовал Вернадского, говорившего с ним о русской истории. В 1905 г. оба они участвовали в беседе, которая, согласно позднейшей записи Вернадского, «была скоро прервана появлением полиции, объяснившей присутствовавшему распоряжение московского генерал-губернатора о немедленном прекращении совещания. После этого беседа не могла продолжаться, так как полиция занялась составлением протокола, что потребовало около трех часов» (С. 206).

В 1893 г. Вернадский в дневнике пишет о необходимости ознакомления русского общества «с классическими писателями, стоявшими за те права, которые надо добывать русскому народу. Желательно издание и распространение лучших сочинений в защиту свободы печати, свободы слова etc.» (С. 143); вместе с

* Клейбер И. А. О сглаживании рядов наблюдений. СПб., 1889.

** Самоуправление (англ).

тем ему представляется необходимым «исторический очерк русских стремлений» начиная с декабристов (С. 143).

Переплетение исторических занятий Вернадского со жгуче злободневными вопросами в той же дневниковой записи видно в том, как от спора с автором монографии, защищавшей правые силы предреволюционной Франции*, он прямо переходит к критике института земских начальников (С. 142–143). Вернадский писал, что «медленной смертью» кажется ему жизнь «вдали от вечных, глубоких, мучительных, но прекрасных вопросов, поставленных человеческой историей» (С. 166). В апреле 1900 г. он записывает в дневнике: «Невольно ставятся вопросы, связанные с ходом истории. Есть ли в ней смысл, что дает ей содержание? Прочел на днях 3-й том Дройзена: История эллинизма**. В нем чувствуется ясное сознание государственного смысла коллективной работы. Он так же необходим для человека, как и полнота прав гражданских» (С. 171).

После разгрома революционного движения 1905—1906 гг. Вернадский, активно участвовавший в общественных событиях, много времени проводит за границей. Особенно существенным для него было посещение Греции летом 1909 г., по поводу которого он высказывает мысли, особенно важные для понимания его взглядов на художественное творчество и творческий процесс: «Афины и Олимпия дали мне много для понимания зарождения творческого процесса. Самые древние периоды искусства, первые искания человеческого гения — в скульптуре и архитектуре — стали здесь передо мной в своих остатках, достаточных для силы впечатлений. Нужно было пройти 50—60 годам и от этих первых грубых, но глубоко сильных исканий, и греки поднялись до того совершенства, какого только достигало человеческое творчество. Странным образом при осмотре музея в Акрополе и остатков древнейшей скульптуры в Афинах передо мной стали как живые далекие впечатления виденного в том же направлении раньше, и я от скульптуры переходил к общим мыслям о законах человеческого творчества. В общем, они всюду одни же — в религии, науке, искусстве. Быстрое достижение предела, — а затем такая же возможность быстрого упадка. Неужели это неизбежно? Неужели единственным спа-

* *Guglia E.* ie konservativen Elemente Frankreichs am Vorabend der Revolution. Zustände und Personen. Gotha, 1890. Сопоставление и противопоставление ситуации в России начала XX в. и во Франции в конце XVIII в. было ясно сформулировано Вернадским в январе 1906 г. (С. 206).

** *Дройзен И. Г.* История эллинизма. М., 1893. Т. 3.

сением от такого положения является постоянная смена, возбуждение все нового интереса, бросание всех старых путей, искание новых? Есть ли упадок — результат, причина психологического характера, или он тесно связан с ограниченностью человеческого существа вообще?» (С. 232). Развалины Греции (кроме Парфенона) были ему тяжелы «своей “красотой разрушения”» (С. 232). На обратном пути из Греции, с парохода, он пишет: «Станным образом чтение все более и более отвлекает к тем же вопросам упадка и роста человеческого сознания. Ведь если упадок есть неизбежное средство достижения наибольшего совершенства, то все человеческое миросозерцание должно строиться на сознании имени или возможности имени абсолютного» (С. 233).

Отчасти сходные мысли возникли два года спустя, когда во время геологической экспедиции в Среднюю Азию он посетил Самарканд, где увидел в развалинах «впечатление не роскоши, а великого художественного гения» (С. 246).

Во время путешествия в Америку⁴ Вернадский в своих лекциях по истории науки, писанных в 1902—1903 гг., подробно освещавший историю ее открытия* (начиная с известного места у Сенеки в «Медее»**), десятью годами спустя возвращается к общим контурам истории Нового Света. Он пишет об Америке: «Читая о ней и ее истории, знаешь о ней — и здесь, на новой земле, едешь все в тех же условиях, все пропитано кровью, полно человеческих страданий, жестокостей. Среди них пробиваются отдельные жизни, отдельные великие идеи — ростки будущего, неуклонно ведущие куда-то в неизвестное грядущее. Я сейчас весь проникнут чувством силы и значения научного мышления, ибо все здесь ярко кричит, что им приобретено и им держится. Новый Свет принесен культурному человечеству фактически силой знания, — но какой жестокой ценой и как много прошло времени, пока были ограничены духи разрушения и истребления, жадности и грабежа, которые были одарены силой благодаря научной работе лиц, не того искавших в научном знании. Прежние расы стертые, и Новый Свет занят потомками Старого» (С. 257). Ощущение пульса исторического процесса — основное, что было вынесено Вернадским из многотрудных испытаний его кипучей жизни; оно придает особую остроту всем его суждениям об истории, в том числе и так его занимавшей всю жизнь древней истории.

* Вернадский В. И. Наука. С. 161—180.

** Там же. С. 109, 110.

Из данного выше краткого очерка развития исторических интересов Вернадского (преимущественно по отношению к древности) в первые 50 лет его жизни сознательно исключена одна тема, для него настолько важная и вместе с тем настолько выделявшая его среди современников, что о ней — и ее преломлении на материале античной литературы — нужно сказать особо.

Во время первой заграничной командировки в 90-е годы как итог опыта, полученного еще на Украине (в пору детского увлечения украинской народной песней) и в России, у Вернадского начинают формироваться те представления о народной жизни и культуре, которые во многом определили и оригинальность его восприятия античной литературы и культуры: «Народная, массовая жизнь представляет из себя нечто особенное, сильное, могучее. Масса народная обладает... возможностью вырабатывать известные знания, она, как целое и живое, обладает своей сильной и чудной поэзией, своими законами, обычаями и своими знаниями... То, что выработано народной жизнью, несомненно, является сильным, прекрасным, могучим и в то же время является таким властным, что я не чувствую себя в силах освободиться от этого... принужден ухватиться за этот способ познания, сила которого представляется мне великой. Велик он и тем, что вся жизнь является при этом средством познания...» (С. 66–67).

Отсюда напряженный интерес Вернадского к комедиям, в частности Плавта. Говоря о комедиях Лопе де Вега, Вернадский пишет: «Комедии нравов, обычной текущей жизни разных времен, народов, эпох очень сильно действуют, указывая на постоянное однообразие самой сути суеты жизни. Они именно в таких, по необходимости сжатых очерках, как комедии, дают всюду чувствовать самое главное, что направляет жизнь человека теперь, что направляло эту жизнь в XVI—XVII вв. или V в. до Р. Х.» (С. 91). У Плавта Вернадского интересуют прежде всего рабы: «...поражает, бьет ключом, даже при чтении Плавта, страстное желание рабов быть свободными. Рисуетя их тяжелое положение, и выход из этого положения является величайшей целью и стремлением рабов. Как живо комедия переносит в древнюю жизнь. Как чувствуется, что не было перерыва, — не было hiatus'a в развитии Европы. Иногда одновременно при чтении Плавта и при чтении истории Средней Азии... трепетно бьется сердце от чувства единства умственной жизни человечества. Хочется штрихами воссоздать эту цивилизацию» (С. 94).

Можно думать, что по сходным причинам Вернадский в 1892 г. читал «Сатирикон» и другие отрывки Петрония, о котором писал: «Несмотря на массу цинических сцен и мест, это сочинение удивительно живо и сильно рисует среду, когда было написано (времена Нерона), и читается с большим и глубоким интересом. Гораздо больше дают подлинники, чем всякие изложения» (С. 106).

Перечитывая по-английски «Посмертные записки Пиквикского клуба» Диккенса, Вернадский записывает: «Грубая жизнь с ее грубыми радостями, как семья английского извозчика *, и в то же время всюду, всюду сквозит более глубокое, красивое — то, что дает жить. И так всюду — в такой среде особенно ясно. Так у Плавта, Аристофана **, Сервантеса — в “народных” произведениях. Это, пожалуй, наиболее сильное доказательство неизбежности прогресса...» (С. 120–121). К этой дневниковой записи сентября 1892 г. примыкает сделанная за месяц до того: «Какая великолепная вещь “Дон Кихот”. Как много гуманного, как много затрагивается таких вопросов, которые вечно юны, так как для всех веков и всех народов они одни, так как глубоко лежат в натуре человека» (С. 117).

Год спустя Вернадский записывает в своем дневнике: «В мелочах жизни проявляется идея, которой живет масса. В эпохи религиозных волнений или широко развитой демократии идея гармонической красоты своеобразно проявляется во всей обстановке (Возрождение в Западной Европе, готический стиль, греческая жизнь). В меньшей степени это происходит всегда. Это вполне аналогично созданию народной песни, музыки, сказки» (С. 143–144)***. Когда в 1895 г. Вернадский пишет, что для него в спорах «все более и более укрепляется необходимость постановки в первую голову в нашей современной жизни экономических и политических интересов народных масс» (С. 154), это прямо согласуется с другим его тезисом: «Я глубоко убежден и все более убеждаюсь, что есть единственная возможность сделать культуру прочною — это возвысить массы, сделать для них культуру необходимостью. Для меня один выход для до-

* Предлагаю чтение не разобранного издателями слова по смыслу: в этом месте дневника Вернадского речь должна идти о Сэме Уэллере.

** Аристофана Вернадский в Париже купил в дешевом издании Одеона и читал во время экспериментов в 1889 г. (С. 70).

*** Оттого не случайна и запись в дневнике января 1894 г.: «С большим наслаждением читал арабские сказки (1001 ночь) и сказки Андерсена» (С. 147).

стижения и развития высших форм сознания — это устройство общества в демократию» (С. 133).

Снова и снова в письмах апреля 1894 г. Вернадский возвращается к значению комедии (в том числе античной — 2500 лет назад) и сказки для восстановления прошлого: «Вчера моя мысль перенеслась в далекое прошлое — иногда передо мной необычайно ярко и сильно проходит какое-то сознание единства и неподвижности, если могу так выразиться, исторического процесса. В этом смысле мне всегда много дает комедия, так как это — вместе со сказкой — единственная форма, которая дает тебе понятие о духовной жизни человечества при самых разнообразных исторических условиях, в разных климатах и местах за последние 2000—2500 лет. И она дает чувство единства и чувство того, что исторический “прогресс” в значительной степени иллюзия, то есть что-то более общее, глубокое, которое не порождается, а постоянно всюду неизменно проходит во всем разнообразии кажущихся явлений» (С. 157). В тот же день сходные мысли он записывает по поводу чтения пьес Островского, сопоставляемого им со Щедриным (С. 156).

Тот же круг мыслей о народной культуре и ее вечной юности возникает у Вернадского по поводу музыки XVIII столетия, где «только у Баха, Генделя сильнее чувствуется влияние «народной» — во всяком случае, широкой, вековой церковной жизни, если не по форме, то по настроению» (С. 176). По поводу других композиторов того времени Вернадский пишет: «Не есть ли это все же люди 18 столетия, одетые в наш костюм, — как актеры в исторических драмах и комедиях? Нет тех инструментов, нет той манеры играть, той инструментовки. Звуки не те, и лишь один скелет их произведений сохраняется? Или, как в “народной” сказке, старина вечно юная благодаря постоянной переработке новыми поколениями первоисточников?» (С. 177). Как ученого-натуралиста его волновала проблема инварианта, сохраняющегося при исторических преобразованиях.

Но среда массы крестьянства открывала ему и другую, косную, инертную стихию исторического постоянства. По поводу засухи лета 1901 г. он пишет из деревни: «Всюду молебствия по полям к Богу, как в древние времена, — всюду та же картина мозаичности мысли» (С. 182). Хотя Вернадскому, хорошо знакомому с крестьянством, его идеализация была чужда, культуру он мыслил только как прогресс, охватывающий народные массы. В 1903 г. он начинает писать специальную работу на эту тему*.

* *Вернадский В. И.* Наука. С. 186–187.

В завершающих своих трудах по истории науки и по эволюции биосферы, написанных в конце 30-х годов, Вернадский идею роли научного знания для народных масс положил в основу общей своей концепции ноосферы, говоря о становлении того, что вслед за Ясперсом теперь называют «осевым временем»: «Примерно за две с половиной тысячи лет назад “одновременно” (в порядке веков) произошло глубокое движение мысли в области религиозной, художественной и философской в разных культурных центрах: в Иране, в Китае, в арийской Индии, в эллинском Средиземноморье (теперешней Италии). Появились творцы религиозных систем — Зороастр, Пифагор, Конфуций, Будда, Лао-цзы, Махавира, которые охватили своим влиянием, живым до сих пор, миллионы людей. Впервые идея единства всего человечества, людей как братьев, вышла за пределы отдельных личностей, к ней подходивших в своих интуициях или вдохновениях, стала двигателем жизни и быта народных масс и задачей государственных образований»*.

Понимание античной (как и всемирной) истории и античной культуры на всем ее протяжении в связи с нуждами и чаяниями народных масс представляется одной из замечательных черт Вернадского, роднящих его труды с работой большой плеяды наших ученых 20—40-х годов нашего века (М. М. Бахтин, О. М. Фрейденберг, В. Я. Пропп и ряд других), которых (при всех отличиях между их трудами) объединяет понимание народной («неофициальной» или «карнавальной», в терминах М. М. Бахтина, ставших весьма популярными) культуры античности и средневековья как основного арсенала творческих возможностей, из которого черпали и которым вдохновлялись все крупнейшие писатели. Вернадский работ конца XIX—начала XX в. и здесь оказывается впереди своего времени.

3

Обширные (и все увеличиваемые непрерывным чтением и поездками по местам археологических раскопок) познания Вернадского в античной (и в целом древней, включая древневосточную) истории с начала 90-х годов направлялись им сознательно для построения задуманного им синтеза истории человеческой мысли.

* Вернадский В. И. Мысль. С. 31.

Уже в 1890 г. чтения античных авторов подчиняются, по его словам в письме жене, «задуманной мной истории научных идей, и теперь я все более и более знакоюсь с древним миром, для тебя выбираю для чтения только то, что считаю возможным при наивозможно меньшей трате времени (Софокл, иные диалоги Платона), а теперь просил тебя прочесть летопись Тацита» (С. 93).

Постепенно вырисовываются контуры той будущей истории научной мысли, которой Вернадский будет заниматься на протяжении следующего полувека: «Читал и думал много по историческим вопросам... Мысль постоянно направляется к ясному сознанию чувства общей преемственности в истории человеческой мысли, в истории развития человечества. Возможно, кажется мне, найти прямую преемственность между древними греческими философскими и другими школами (юридической, медицинской и т. п.) и возникновением университетов. Университеты выделились как необходимое дальнейшее развитие этих школ и т. п. при изменившихся условиях времени и места. Через юридические и медицинские школы можно проследить прямую причинную преемственность — непрерывную к первым древним университетам (Салерно, Болонья и др.). Таким образом, все это развитие одного общего непрерывного явления» (С. 99). Но его постоянно занимает как установление единой линии преемственности, так и выяснение причин перерывов в развитии, катастроф, исторически закономерных. По мысли, записанной Вернадским в дневнике 1891 г., «погибель древней литературы являлась логическим следствием, частью психологических причин, частью причин, всегда существующих вне зависимости от каких бы то ни было политических условий. Эта гибель происходила все время и в течение существования Римского царства» (С. 99).

Во время первой поездки за границу после чтения Марка Аврелия* Вернадский задумывается над изучением истории этики и социологии: «Как можно изучать этику и что такое этика? Можно изучать историю этических воззрений, можно понять разные существующие или существовавшие этические системы, но все это целый ряд отдельных запутанных вопросов, в которых надо разобраться по первоисточникам — разбираться с сочинениями философов, их комментариями, биографиями

* В августе 1888 г. в Цюрихе он «с наслаждением» читает Марка Аврелия и вспоминает время, когда ему «стоицизм казался... самым чистым и высоким идеалом» (С. 63).

и т. п. Еще в более запутанном состоянии находится вопрос о социологии. Это или все, или ничего — это такая вещь, которая понимается всеми различно и меняется с каждым работником на этом, как будто бы ясном, поле...» (С. 69).

Говоря об Ульрихе фон Гуттене — одном из любимых героев своей юности, Эразме и других гуманистах, лучшим исследованием которых он считал книгу Буркхардта*, Вернадский заключал: «Я глубоко убеждаюсь в единстве человеческой истории и в непрерывности процесса развития человеческой личности: менялась одна форма и изменялась лишь глубина человеческого интереса. Для меня с этой точки зрения очень интересна история таких народов (каковы персы), где несомненно развитие при сохранении силы живучести народной личности среди разнообразных веков. Нет, думаю, ничего сильнее, чем сила идеи: она всем движет, потому что всегда для массы неискренних является выгодным пользоваться экстазом для увлечения искренних людей» (С. 107).

Но вместе с тем именно идею Вернадский ценил выше всего. В июне 1892 г. он пишет жене: «Одна сила и одна мощь — идея. Я теперь читаю Платона. Пир (или о любви) непременно прочти, я привезу» (С. 115).

Вернадский непрерывно занят исследованием проблемы значения личности в истории (С. 118–119), к чему он обратится позднее и на примере ряда отдельных личностей (Петр, Гете, Ньютон и его предшественники и современники, Ломоносов). Уже в 90-е годы намечаются те идеи, которые позже приведут к понятию ноосферы: «Законообразный характер (сознательной работы) народной жизни приводил многих к отрицанию влияния личности в истории, хотя, в сущности, мы видим во всей истории постоянную борьбу сознательных (т. е. неестественных) укладов жизни против бессознательного строя мертвых законов природы, и в этом напряжении сознания вся красота исторических явлений, их оригинальное положение среди остальных природных процессов. Этим напряжением сознания может оцениваться историческая эпоха... Каждая личность в своей жизни является отдельным борцом проникновения сознания в

* *Burkhardt J. Gesammelte Werke. ie Kultur der Renaissance in Italien.* Berlin, 1953. Из соответствующего места в письме Вернадского видно, что он был хорошо начитан в самих «памятниках»: «Письмах темных людей» Ульриха фон Гуттена, «Похвале глупости» Эразма, которые (следуя обычному для него предпочтению памятника позднейшему изложению) он и советует прежде всего читать.

мировые процессы, она своей волей становится одним из создателей и строителей общего закона, общего изменения, изменения сознательного, тех или иных процессов и этим путем участвует в глубоком процессе переработки мировых явлений в целях, выработанных Сознанием. Силы личности и влияние ее, понимание ею жизни (а тут работа над пониманием есть само по себе общественное дело великой важности для всякой личности, не живущей на необитаемом острове) увеличиваются по мере вдумывания в процессы будничной жизни... Общество тем сильнее, чем оно более сознательно, чем более в нем места сознательной работе по сравнению с другим обществом» (С. 119). В 1893 г. в том же месте дневника, где впервые упомянута теория Маркса и есть запись об «указаниях на иной ход развития капитализма благодаря развитию кампаний и т. п.» (С. 127; речь идет, следовательно, об империализме), Вернадский в тезисной форме сжато излагает итоги своих мыслей: «Сознание и его значение в развитии человечества. Сознание и личность. Единственная форма общественности при свободе личности — демократия. Это высшая форма с точки зрения развития сознания» (С. 127; ср. запись о «личности гуманной Линкольна»: «...это то, что называется героем во все времена и во многом человек будущих демократий. Вашингтон и Линкольн — два очень схожих идеалиста во власти». С. 110).

В том же году Вернадский формулирует и тот основной принцип развития ноосферы, который он потом назовет «принципом Дана» * (по имени геолога и антрополога, сформулировавшего в середине XIX в. эту закономерность по отношению к эволюции мозга; в свое время это открытие не было замечено, и Вернадский сделал его снова за много лет до того, как познакомился с работами Дана): «...есть один факт развития Земли — это усиление сознания, хотя я допускаю, что может быть через миллионы лет пойдет обратный процесс» (С. 135).

В июле 1893 г. Вернадский говорит о желании «посвятить свои силы работе над историей развития науки», «о возможности некоторых обобщений в этой области и о возможности этим историческим путем глубже проникнуть в понимание основ нашего мировоззрения, чем это достигается путем ли философского анализа или другими отвлеченными способами. Вначале некоторые отдельные вопросы, которые сами по себе важны, — таковы вопросы о наследственности, о значении личности и уровня общества (политической жизни) для развития науки, о са-

* Вернадский В. И. Биосфера. С. 52, 193, 271–272.

мих способах открытия научных истин. Особенно любопытно изучить тех лиц, которые делали открытия задолго до их настоящего признания наукою. Мне кажется, изучая открытия в области науки, делаемые независимо разными людьми при разной обстановке, возможно глубже проникнуть в законы развития сознания в мире. С этой точки зрения интересны биографии таких лиц, как Леонардо да Винчи, Роджер Бэкон, Роберт Гук и т. п. Здесь все интересно — и то, что отдельная личность среди общей тьмы была в состоянии сделать за сотни лет правильные выводы, и т. п. Очень интересен и вопрос о лживом и его значении в развитии науки...» (С. 136).

В письме жене в сентябре 1893 г. Вернадский пишет: «Я много думаю о способе познания научных истин, о законе (естественно-историческом) и наследственности. Мне хочется все это вместить во “Введение в историю развития физико-химических наук”» (С. 144). В это время и в лекции по кристаллографии он ввел «и исторический материал (частью даже и биографический) для выяснения и оценки основных понятий науки и генезиса ее законов» (С. 145).

В 1900 г. Вернадский пишет первую специальную статью по истории науки — о Ломоносове*, за которой в 1911 г. последовали 4 статьи и комментарии к работам Ломоносова по металлургии. В 1900 г. во время поездки в Голландию Вернадский работает над историей науки XVII в., приходя к выводу, что «поразительно слабо разработана история мысли» (С. 173). Посещение Торуни в 1902 г. связывается с занятиями Коперником и его судьбой (С. 190), к которой он вернется в статье 1916 г.**

Одной из основных проблем для Вернадского становится соотношение крупных личностей, биографиями которых он занимается, и тех, кто в своей массе «создают культурную среду общества. Меня вообще сильно интересует роль “малых сих” в общей культурной истории мысли» (С. 184; ср. сказанное выше о роли массы в исторической концепции Вернадского).

<...> Наследие Вернадского-гуманитария огромно, и к нему еще многие поколения специалистов будут обращаться как к источнику небывало ярких идей.

* Вернадский В. И. О значении трудов Ломоносова в минералогии и геологии // Ломоносовский сборник. М., 1901. С. 1—34⁵.

** Вернадский В. И. Наука, С. 228; ср. о Копернике: Там же. С. 101, 102.

Самым насущным представляется выяснение следующих проблем. В какой мере вектор, определяющий движение в сторону ноосферы, может считаться выявляемым не только для таких интервалов, как 1900—1914 гг. (время становления европейского авангарда и основных достижений науки XX в.), но и для катастрофических периодов, за ними следующих? В какой степени художественное творчество предугадывает в первом случае характер взлета мысли (творчество Рильке, Блока, Аполлинера, если оставаться в рамках европейской поэзии первого десятилетия нашего века), во втором — трудности, возникающие на ее пути? Иначе говоря, можно ли думать, что искусство и литература не только параллельны другим духовным достижениям (о чем на античном материале пишет Вернадский в цитированных работах), но и их опережают, давая как бы комментарий к направлению основного движения?

Если исходить не только из попперовской⁶ схемы рационального общества, но и из более расширенных пониманий возможных социальных структур, необязательно благоприятных для ноосферы, то естественным кажется постановка вопроса о надежности систем самозащиты ноосферы, встроенных в нее саму. К их числу могут принадлежать тексты искусства прежде всего. В таком случае их социальная функция состоит совсем не в обслуживании нужд общества как такового, а в способствовании сохранению (выживанию) ноосферы. Социологический или прагматический аспект искусства и эстетики в этом понимании становится производным от идеи ноосферы. Более того, сохранение этой последней становится невозможным без сохранения и развития искусства. Не может быть кусочной ноосферы: она существует как единое целое, каждая часть которого нужна для ее продолжения. В этом смысле принцип правдивости только целой структуры применим к процессу развития ноосферы как единства (или отдельных ее временных подразделений).

